

Виктор Корсуков

Имя отчее...

Избранное

Виктор Корсуков

Имя отчее... Избранное

«Издательские решения»

Корсуков В.

Имя отчее... Избранное / В. Корсуков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930471-1

Член Союза писателей России. Лауреат национальной премии «Золотое перо Руси» (2007 г.) Автор книг: «Где же ты, Сашка?», «Родительский день», «Еще не вечер...», «Субботний рейс», «Два взгляда на одну тему», «И жизнь, и слезы, и любовь», «Дожить до конца...», сборников: «Мы — Притомье», «Письма в будущее», «Зона экстрима» «Время московское», «Похмелье Олигарха», «Современная кузбасская проза». Публикации в журналах: «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Советское Приамурье», THE YONGE STREET REVIEW (Канада).

ISBN 978-5-44-930471-1

© Корсуков В.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	7
Художник	7
Дед Максим	15
Пескарь	17
Родня	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Имя отчее... Избранное

Виктор Корсуков

*Моей милой жене Ольге,
Моим прекрасным детям Светочке и Сашеньке,
Андрею и Надюшке, моим любимым внуцатам-
Павлуше, Ульяночке, Варюшеньке и Ванечке
ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ!*

© Виктор Корсуков, 2018

ISBN 978-5-4493-0471-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Корсуков Виктор Александрович

Член Союза писателей России, Член Союза журналистов России

Родился в 1950г., в семье военнослужащего. С отличием окончил Ярославское высшее зенитно-ракетное командное училище. Служил в ракетных войсках и в других оперативных службах армии в различных регионах. После службы в армии работал на руководящих должностях в разных сферах народного хозяйства.

Лауреат национальной премии «Золотое перо Руси» (2007 г.). За большой вклад в развитие литературы и культуры награжден медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса», а в 2014г. медалью «За вклад в развитие Новосибирской области»

Автор книг: «Где же ты, Сашка?!», «Родительский день», «Еще не вечер...», «Субботний рейс», «Два взгляда на одну тему», «И жизнь, и слезы, и любовь», «Дожить до конца...».

Автор коллективных сборников: «Мы-Притомье», «Письма в будущее», «Зона экстрима», «Время московское», «Похмелье Олигарха», «Современная кузбасская проза»

Публикации в журналах: «Огни Кузбасса», «Юность», «Литературный Кузбасс», «Дальний Восток», «Наш Современник», «Москва», «Кузнецкая крепость», «Земля Кузнецкая», «Советское Приамурье», «THE YONGE STREET REVIEW» (Канада), «Доля» (Республика Крым)

Более 100 статей и 30 очерков в различных печатных СМИ России.

Рассказы

Художник

В большой рабочий поселок «Сидорово» приехала выставка. Об этом знаменательном событии Колька Исаков узнал еще утром, когда ехал на работу. Дорога к птицеферме проходила как раз мимо клуба. Николай остановил свой старенький, фыркающий «Москвичок» и стал наблюдать, как из зеленого фургона разгружали завернутые квадраты. Электрика пронзила догадка – картины. Он выбрался из тесной кабинки своего транспортного средства и, с трудом сдерживая волнение, как бы безразлично направился к клубу. Встал около входа, закурил и засунул руки в карманы. Руки подрагивали.

– Что встал-то? – спросила похожая на колобок завклубом Светлана Викторовна Матюхина.

– Нельзя что ли? – Колька с презрением цвыркнул сквозь зубы. Извилистая слюна, пронзая воздух, воткнулась в открытую дверь клуба.

– Вот говнюк, – Матюхина замахнулась на Кольку небольшой картиной.

– Тихо, тихо, тихо! – остановил ее порыв небольшой худющий мужик с седенькой бородкой и в небольших квадратных очках.

Он нес огромную картину и очень тяжело дышал. Колька ухватил один конец, и они, не стовариваясь, дружно занесли ее в большое фойе клуба.

– Спасибо, – сказал бородатый и по доброму улыбнулся. Потом вытер руки о штаны и протянул тоненькую ладонь.

– Заварзин, – представился он, – Виталий. Художник.

Колька с большой осторожностью, легонько пожал протянутую ладонь. В сравнении с художником электрик Исаков казался гигантом. Он и вправду был очень здоровым.

– Ну. Вы прямо атлант, – восхитился художник. – С вас только скульптуры лепить.

Колька улыбнулся в спадающие на верхнюю губу черные с проседью усы, и поправил ершистый бобрлик. Он впервые видел и разговаривал с настоящим художником. И от этого не знал, как надо себя вести. Просто или только слушать. Стоял и, как дурак, улыбался.

– Вы это, – художник показал пальцем на дверь, – на выставку приходите. К шести часам, думаю, экспозиция будет готова. Как вы думаете? – спросил он Светлану Викторовну. Та кратко заверила:

– Управимся, – и махнула пухлой рукой в сторону электрика. – Этот бугай тоже художник. Местный самородок, – добавила она и как-то противно захихикала. Колька покраснел.

– Ты, бл...! – начал было он возражать, но художник опять улыбнулся и приложил палец к губам.

– Тс-с-с-с! – прошипел он, – а вот мне очень приятно. Так вы приходите. Побеседуем.

– Спасибо, – облегченно выдохнул Колька, – приду, а как же. Обязательно.

Впервые Николай Исаков ждал окончания работы с таким нетерпением. Он сам искал работу. Переделал уйму всяких дел и все равно время тянулось очень медленно. Как будто кто-то силком удерживал стрелки часов и не давал им двигаться. В конце, как на зло, закапризничал «Москвичок». Колька бегал вокруг него, пробовал завести кривой ручкой и, грубо выматерившись, бросил ее в кабину. Машина завелась с толкача. Подмогнули проходящие мимо школьники. Разогнанный ими «Москвич» пару раз оглушительно стрельнул и стремглав помчался по улице.

Поставив машину во двор, Колька пулей влетел в дом, умылся и, не обращая внимания на возмущенные притязания жены, стал рыться в двустворчатом шифоньере.

– Оль, что одеть-то? – спросил он у хмурой жены.
– Юбку мою одень, – зло сказала она, – а сверху лифчик. Самым красивым будешь.
– Ну чего, ты, правда, – обиженно протянул Колька, – это ж не каждый день-то бывает.
– Побелка тоже – не каждый день, – легко парировала красавица Ольга. – Я тут мутыскаюсь целый день, а он – на тебе – на выставку, чтоб она сдохла.
– Завтра ж суббота, – спокойно напомнил электрик, – все зараз и сделаю.
– Да я уж как-нибудь без тебя. Художник – от слова «худо», – съехидничала она, но Колька не обиделся. Он знал, что жену действительно не остановить с работой-то. Тут надо объяснить, что жена ему попалась

буйных и диких сельскопредпринимательских кровей. Когда она бралась за какое-то дело, то в действие вступал кипучий гормон малого предпринимателя. И остановить его бурную деятельность могла только пуля.

Ольга схватила ведра и понеслась в сарай за известкой. Колька махнул рукой.

– Хрен с ним, – вслух сказал он и стал одеваться. Натянул тесные джинсы, погладил и одел новую клетчатую рубашу. На ноги напялил тоже совсем новые и красивые ярко коричневые туфли. Поодеколонился и, чтобы не встретить жену, ушел огородами.

Дверь в клуб открывал с опаской, осторожно, чтобы не спугнуть ушедшую в тайны искусства толпу. Но никакой толпы не было. Посередине, скрестив руки, стоял понурый художник, а вдоль развешанных картин прохаживались две учительницы. Одну Колька знал. Ее звали Анастасия Петровна, а вторую, молоденькую, когда-то видел, но не знал. Он явно обрадовался знакомому посетителю и тут же направился к нему.

– Вот и вы, Николай. Проходите, проходите, – засуетился он. Потом стал и развел в стороны, на удивление, длинные руки.

– Вот, пожалуйста. Мое. Десять лет работы. Да, – он задумался, – десять лет уж.

Тут к художнику подошли учительницы. Обе улыбались и смотрели на художника если не влюблено, то очень почтительно.

– Поздравляем, – сказала та, которую Колька не знал. – Я – учитель ИЗО и знаете..., – она в восхищении высоко подняла пухленькие ладошки.

Ладошки были красные, и электрику это почему-то не понравилось. Он отвернулся. А учительница льстиво продолжала:

– Я много видела, а такое – впервые. Уникально. Нет слов.

Художник подтолкнул пальцем сползшие на кончик носа очки и покраснел.

– Спасибо! – сказал он, для меня мнение, так скажем, народа, – награда. Тем более учительницы рисования – это вдвойне.

А Анастасия Петровна, географичка, вежливо отмолчалась, но руку художнику все же пожала. От души. Тот аж поморщился.

И вот в огромном светлом фойе остались Колька, художник Виталья и плоды его десятилетней творческой деятельности. Обзор начали от двери. Но, когда еще работники просвещения высказывали художнику, какой трепет они ощутили от увиденного, Колька произвел общий обзор и тоже вострепетал... но по своему. Такое обилие красок электрик видел всего один раз, когда его крупно шарахнуло высоковольтным напряжением. Высокохудожественный калейдоскоп неприятно напомнил ему ту самую аварию на трансформаторной подстанции, и Николай немного погрузнел.

А бородатый художник уже тянул его к новой картине и, представляя ее обалдевшему Николаю, гордо говорил:

– Вот, – и делал шаг назад, давая насладиться увиденным как бы один на один.

Колька смотрел на красные квадратные желтые дуги, черные линии и кругляшки и ничего не понимал. Самое интересное то, что каждая картина имела название. Например, эта называлась не иначе как «Русская тройка».

В трех разноцветных и широких мазках в окружении сине-зеленых кругляшков и ярко-желтых зигзагов технический ум электрика пытался понять, какую из традиционных русских троек имел в виду художник: ту – которая «лошади» или ту – которая «на троих?».

Колька покачал головой и непроизвольно сказал:

– Да! Ни хрена себе – тройка...

– Что? – спросил художник.

Николай тут же взял себя в руки и показал художнику большой палец.

– Нормально.

Картина «Над небесами» электрика уже не удивила. Серпантин красок рассыпался по холсту разноцветными линиями и чем-то напоминал Новый год, вернее, новогодний фейерверк. Но почему-то все это буйство было заключено в широкую голубую рамку.

– А рамка зачем? – спросил ценитель богемы.

– О, о, о! – художник опять подтолкнул вверх очки. – Это как бы вид сверху. Понимаете? Я смотрю сверху. Я – над облаками. Я парю. Понятно? – он вопрошающе уставился на электрика.

Электрик кивнул. Хотя и не понял. Карнавал красок протащил его по всей выставке. Наконец, в глубочайшем волнении Николаю была представлена центровая картина. «вершина», как смущаясь объяснил сам творитель. «То, ради чего стоило жить и творить».

Картина очень смело называлась: «Начало». На светло-сером фоне была изображена вертикально стоящая зеленая рогатулина. Широкая и прямая. Тут Николаю было проще. Художник все очень подробно объяснял и было видно, что это доставляет ему удовольствие. Так вот, по мудрому замыслу Виталика эта самая рогатулина означала ни что иное как женское начало. Рождение. Из середины рогатки произрастал или втыкался толстый коричневый стержень, то – бишь – начало мужское – жизнь. Женские «начала», извиваясь, уходили в далекую пространственную бесконечность, а корень мужской почему-то резко обрезался на самой середине холста. На вопрос «Почему?» задумчивый художник объяснил так: «Это, понимаете, чтобы не обидеть другие конфессии. Чтоб никто не обиделся. Ведь само по себе произведение в целом имеет интернационально-глобальное предназначение. Принадлежа, понимаете, и служа всему прогрессивному человечеству». Художник сделал рукой большой круг.

Электрик восхитился по своему. Произнёс с восхищением.

– Ни хрена себе!

Они отошли в сторону, и Колька Исаков предложил:

– Слушай, а пойдем ко мне! Я ведь тоже рисую. Маслом, а как же. Только не так, – он никак не хотел обидеть известного живописца, поэтому тут же добавил, – не так, как у тебя.

Оба художника – любитель и профессионал, незаметно перешли на «ты».

– А в книге отзывов ничего не напишешь? – спросил художник.

Николай уверенно подошел к столу и так же уверенно открыл большой альбом.

Взял авторучку и размашисто написал: «Восхищен! Обалдеть можно». И подпись поставил: «Электрослесарь пятого разряда Исаков».

Выставку заперли на большой амбарный замок. А на вопросительный взгляд художника завклубом завершила: «Все на сигнализации. Звонок прямо ко мне в спальню выходит».

Колька с Виталием, споря об искусстве, зашли в магазин, взяли все, что положено, и продолжая развивать тему, пошли домой. При этом Колька шел прямо, а художник неуклюже прыгал через коровьи лепешки и грязные лужицы. Он был в сандаликах.

Жене художник представился точно так же, как и Николаю.

– Заварзин. Виталий. Художник.

Ольга вынула изо рта длинные заколки, прищипила ими большой хвост волос и только тогда протянула руку.

– Ольга, – улыбнулась она. – Жена вот этого вот... его.

Художник засмеялся, а Николай оглядевшись кратко оценил проделанную женой работу: «Круто!», сказал он.

Квартира была побелена, полы вымыты, баня готова.

– Ольга! – вежливо обратился художник. – Вы уж не взыщите, пожалуйста. Это моя инициатива, – и он протянул ей полиэтиленовый пакет. В пакете было все, чтобы выпить и очень даже прилично закусить.

– Я-то взыскивать не буду, только вы уж не переусердствуйте с моим-то. Он ведь пьяный – дурак.

Скоро единомышленники пошли в баню. Художник стеснялся и все время прикрывал ладонями «мужское начало», на что Колька ответил дружеским смешком.

– Что ты все закрываешься, как не родной? Не оторву же. У меня свой есть, – и он действительно показал на то, что мужское начало у него тоже имеется и очень даже не бедное.

Напарившись и помывшись, вышли в предбанник. Николай достал из загашника водочки, вяленой рыбки и огурец. Чуть-чуть передохнули и ударили по первой – за вечное, живое искусство. После третьей о нем и заспорили. Колька этого момента и ждал.

– Ну вот ты мне скажи. Только честно, – стал допытываться он. – Ты сам-то хоть понимаешь, что ты там нарисовал.

– Написал, – поправил его художник. – И не только понимаю, а знаю точно. Что, где, как.

– Не – е – ет! – электрик погрозил ему толстым пальцем. – Понятно вот где, – и он потянул художника к маленькой боковой дверце. Включил там свет и поманил «классика» к себе.

– Смотри! – гордо сказал он.

Перед голым Виталиком предстал удивительный интерьер. Маленький светлый сарайчик был сплошь увешан картинами.

– Вот! – Николай ткнул в красивого белого кота, изображенного на сиреновом фоне. – А теперь читай название: «Мурка». Все ясно и понятно, как белый день: вот он – кот и зовут его – «Мурка». А у тебя? Ну, с «началом» ты объяснил, там еще более или менее понятно.

Художник перебил.

– Коля! Понимаешь. Здесь же понимать надо. У каждого свое мировоззрение. Ты в моих картинах видишь что-нибудь?

– Всякое, – неопределенно ответил электрик.

– Вот, – поднял палец Виталик. – А я – конкретное, как и ты свою «Мурку». И все так: каждый видит свое. Прежде, чем понять саму картину, нужно понять самого художника. Знать, видеть его ...изнутри, так сказать.

Колька не согласился.

– Вот я тебя теперь знаю. И вижу еще. Голого, блин. А ты меня? В рогатулину палку воткнешь и скажешь, это и есть Николай Исаков. Но я тебя тогда совсем не пойму и морду набью. Понял?

– Понял, – согласился Виталик, – но и ты пойми – гениальность человека определяется его индивидуальностью.

– Значит, я тоже гениален? – Колян ткнул в себя пальцем.

– Да! – четко подтвердил Заварзин исключительность и гениальность электрика.

– Хорошо, – не успокаивался Колян, – тогда объясни мне вот это. И он извлек из глубин своего фонда репродукцию Малевича «Черный квадрат». – Это – что?

– Это тоже гениальный «Черный квадрат» Малевича. Весь мир это признал. И восхищается. У тебя же вон, портрет висит и называется «Теща».

– Теща, – кивнул Колька.

– Ну вот! – поднял брови Виталик. – Чего здесь непонятного: у тебя «Теща» – это чисто твое, у него «Черный квадрат» – это чисто его. Но твоей «Тещей» никто не восхищается, а перед «Квадратом» на коленях стоят.

– Кто стоит то? Да я тебе, – Колька гулко постучал себя в грудь, – знаешь, таких вот квадратов по двадцать штук в день нарисую. Если не больше. «Гениальность», – возмущенно взмахнул он руками. – Квадратики! А сколько краски ушло, тьфу, – плюнул он в угол, – аж жалко.

– Да, – согласился Заварзин, – нарисуешь ты эти квадратики, но ведь это будут твои квадратики, именно твои, ты в них мысль не заложил.

– Заложил, – гневно возразил электрик. – все туда закладывал, всю свою жизнь в квадрат свой заложил, – защищал он еще ненаписанную картину.

– Вот, – восхищенно воскликнул художник, – и опять это будет именно твой квадрат, а не Малевича. – он помахал тонкой ладошкой перед лицом электрика. Гневно помахал. – У Малевича – бездна, величина, а у тебя твой деревенский квадрат, в который ты вложил душу только своей деревни, но никак не Вселенной. Никогда, – предупредил Виталик, – никогда не рисуй квадраты, этим ты только себя опозоришь и опозоришь имя великого человека. Его вечность.

– Да пошел ты на...! – и электрик точно указал путь, по которому должен был двинуть художник.

Оскорбленный Заварзин вскочил и закричал:

– А почему твоя теща с метлой стоит?

Электрик такого каверзного вопроса не ожидал, но подумав, ответил:

– Так она же дворником в сельсовете работает. И сторожем, – добавил он.

– Вот, – опять гневно возопил Заварзин. – Это называется «примитивизм» и «наив» тоже. Кстати, одно из направлений. Вот видишь, это твоя – и только твоя индивидуальность. А я ведь сначала подумал, что ты подразумеваешь ее в образе Бабы Яги. А она – дворник – индивидуальность! Вот ты, Коля и найди и не потеряй ее. Тогда у тебя все получится.

– А ты нашел? – спросил тот.

– Я – нашел, – твердо ответил голый собеседник. – У меня пять персональных выставок было, и я – Член Союза художников.

– Да? – обозлился Колька. – А я – Член своего члена, понял?

Художник точно понял, что разговор об искусстве может закончиться для него, если не смертельно, то с побоями точно. Положение спасла юркая Ольга.

– Эй! – крикнула она в предбаннике, – вы что, с натуры друг друга рисуете? А-то давайте, заканчивайте и домой. Художник послушался сразу, а обиженный и непризнанный никем художник Колька еще немножко покочевряжился, потом плюнул в «Черный квадрат» и вышел в предбанник.

В общем и в целом все закончилось хорошо. Через неделю выставка вместе с художником Заварзиным уехала, а Колька дней пять взял за свой счет и все дни пропадал в своей «художественной мастерской». На пятый день измученный и заметно осунувшийся вышел наружу и уселся на крылечке. Сидел и ждал. Курил и частенько выглядывал за угол. А за углом проматривалась вся улица. Колька упорно ждал. По улице лениво проковылял косяк гусей, а воздушное пространство бороздила одинокая, как забытый шпион, ворона. Колька зло сплюнул. Но тут справа от забора, из-за стайки, что сзади, послышался шорох, и на свет божий явился Колькин сосед – Семен Горяев. Николай встал и громко поздоровался.

– Здорово, Семка!

– Здорово! – ответил тот и пошел к бане.

– Ты ничего, свободен?

– Да вот, картошки подкопать надо. Свеженькой.

– Зайди-ка, – Колька поманил соседа к себе.

Семен перелез через забор и пошел за художником. Колька Исаков очень волновался, и когда выставлял картины, споткнулся и чуть не упал. Он выругался и позвал Семена к себе, на свою сторону.

– Смотри. Только честно. Скажи, что ты здесь видишь?

Перед соседом стояли две картины. Он внимательно посмотрел на первую, левую.

– Ну – у – у, – он взялся за подбородок. – Это, вроде как пирамида. Только красная. На закате, наверное. Пирамида, – твердо сказал он, как будто они играли в отгадки и он отгадал.

У Кольки заиграли желваки.

– Ну ты и Сёма, в натуре... – угрожающе сказал он. – Посчитай, сколько здесь углов?

– Три, чо считать-то?

– Значит, это что? – и сам же ответил. – Это – «Красный треугольник» и все. Понял?

– Нет, – откровенно ответил Семен. – Я вот тебе нарисую полоску, – он начертил пальцем невидимую прямую, – и назову ее просто: «Полоска». Ну и что? А – а – а... – вдруг осенило его, – я понял. По – моему завод такой был. Он так и назывался: «Красный треугольник». Галоши там делали.

Электрик сначала обалдел, но потом задумался и вдруг согласился.

– А наверное ты прав, Семен. Каждый видит то, что он видит. Вот ты уже два образа увидел. Пирамиду и галошный завод. А я вижу глубину. В масштабе страны, понял?

Семен кивнул и вдохновился. От похвалы.

– А это, – он показал на вторую картину. – Эта сильно похожа на японский флаг. Только у них круг красный, а у тебя – черный.

Колька в соседе разочаровался. Он сел на табуретку.

– Это, блин, называется «Черная дыра». Слышал про такие? Все ученые про них пишут. А я, вот, осознал, представил и нарисовал. А ты ни хрена не понял. «Японский флаг», – перердразнил он. – Иди, копай свою картошку долбанутую.

Семен хмыкнул.

– Айвазовский, мать твою, Репин.

Колька серьезно замахнулся на него молотком и Семен, гремя лопатой, убежал.

Электрик пыхтя засунул картины в «Москвичок», странно, но очень легко завел его, и поехал в школу. Въехал прямо во двор. На шумные звуки выскочила уборщица тетя Даша.

– Ты что это удумал? – запричитала она, здесь же ребятишки бегают, а он чуть внутрь не заехал. На своем тигре. Ну-ка, потуши его, – замахала она руками.

Николай заглушил и правда сильно ревущую машину и в воцарившейся тишине попросил:

– Позови-ка, тетя Даш, учительницу по рисованию. Молоденькую такую. Очень надо. Позарез прямо.

Уборщица вздохнула и зашла в здание школы. А сам он закурил. Какая-то уж очень тяжелая печаль и тоска грубо села на него верхом. Николай аж ссутулился. Неожиданно громкое «Здрасьте» заставило художника выпрямиться.

– Здравствуйте! – ответил он и опять заволновался и застеснялся, и стал грубо, но убедительно врать.

– Помните, к нам художник приезжал, Заварзин?

– А как же, – ответила учительница и протянула нежную руку. – Меня, кстати, Галина Игоревна зовут. А вас?

– Николай, – он пожал совсем не красную красивую руку.

– Ну так что вы хотели, Николай?

– Мне этот художник две картины подарил. Правда. Он гостевал у меня. Два дня, – объяснил он. Вот посмотрите. – он вытащил из машины обе картины и прислонил их к заднему стеклу.

Учительница подошла ближе, отошла назад, хмыкнула. Потом спросила:

– Это правда его?

– Нет, – опять соврал Колька. Это не он рисовал.

– Ну вот, – воспряла Галина Игоревна. – Я вижу, не его рука-то.

– Это картины, – заговорщицки зашептал электрик, – не его, точно. Это картины великого художника Малевича. Помните, наверное, «Черный квадрат?»

Галина Игоревна насупила бровки.

– Вы мне что, голову пришли морочить? – она собралась уходить, но Николай придержал ее за руку.

– Понимаете, – пояснил он, это очень ранний Малевич. Пока он дошел до своего квадрата, он ведь сколько вариантов перепробовал. И наконец получился тот незабвенный квадрат. А это – ранние.

– А почему о них никто не знает? – спросила учительница.

– Ну, бывает же так, – Колька пожал плечами, – детство тяжелое, годы, забылось, затерялось. А художнику нашему они от отца достались. Тот знал Малевича лично. – Колька врал напрадую. Он чувствовал свою безысходность, а та самая грусть и тоска давили уже так, что он чуть не заплакал. – Я это школе в подарок принес. Возьмите. Картины, если задуматься, тоже очень глубокие. Вот – «Красный треугольник» вроде как на галошную фабрику смахивает. Он вспомнил Семена.

Учительница внимательно посмотрела на Кольку и весело засмеялась.

– Ну ладно, давайте уж. «Черная дыра» вроде бы ничего, а галошная фабрика на пирамиду похожа.

Она, видать, поняла страдания самодеятельного художника и обижать его не хотела.

– А может, – сказала она, – вполне может быть, что когда-нибудь эти картины и станут такими же знаменитыми.

И она протянула электрику обычную шариковую авторучку и хитренько улыбнулась.

– Вы на обороте распишитесь хоть, что дарите, и подпись поставьте.

Колька подписался. Картины занесли в учительскую, и Колька ушел. И уехал. А грусть и тяжесть остались.

Он приехал домой, зашел в мастерскую и вынес на свет два дубликата своих картин. А тут опять увидел Семена.

– Сёмка, иди сюда.

– Пошел ты... – начал было тот, но Колька улыбнулся и показал бутылку. Семен заторопился к Колькиной баньке.

– Ты, – предупредил электрик, – только молчи. Молчи и пей. И все.

Бутылку выпили враз. Ольги дома не было. Она поехала в город, к сестре, и потому Колька вел себя смело.

– Поехали к тебе в слесарку, – предложил он.

– Зачем? – поинтересовался Семен.

– Я тебе эти картины подарю и повешу. Хорошо ведь? Красиво?

Семка кивнул. Спорить, конечно, не стал.

Поехали. Но сначала электрик поставил на картинах подпись: «Малевич».

– Пойдет? – спросил он.

– Пойдет, – махнул рукой слесарь Семен.

Они мчались по селу, от души пели грустную песню:

Поедем, красотка, кататься.

Давно я тебя поджидал...

Ехали, лихо пели песню. А сзади опасно дребезжали две картины с подделанной подписью великого классика. Дребезжали, но не порвались. И рамки целы остались. Даже не поцарапались.

Дед Максим

У каждого поколения в детстве была своя Испания, своя «Гренада». У моего поколения такой страной была Куба и песня «Куба – любовь моя». Далекий остров неудержимо магнитил, звал на подвиг и вообще всячески бередил наше, ребячье, воображение. Но что мы могли сделать? Куба так далеко, в Америке, и попасть туда было совершенно невозможно. Помню, поделились мы с дедом Максимом насчет того, «как туда добратся». Дед лукаво ухмыльнулся, почесал затылок и серьезно сказал:

– Тухлое ваше дело, братва. Ты тут Испанию вспомнил. Э-э-э, милоч, в Испанию можно было по суше дуть, ни одного моря на пути, одни речки. Речку, вишь, и переплыть можно. А тут океан. Не, братва, боевая задача отменяется.

Мы опустили свои головушки и очень расстроились – помочь Кубе хотелось. Дед Максим немного подождал, погладил рыжие небольшие усы и раскурил свою зверскую самокрутку. Пару раз затянулся. Мы молчали.

– Вот что, – строго сказал дед, – нюни распускать каждый может. Нечего. Раз решили помочь – помогайте. Мы придвинулись ближе.

– Как?

– Как, как? Знамо как. Напишите американцам письмо. Нет, – тут же поправил себя дед, – не американцам. Они здесь ни при чем. Президенту. Во, кому. Точно. «Так, мол, и так. Прочь, мол, а то приплывем...» Ну, ваше дело, как написать. Грамотные.

Мы, придерживая беретки, помчались сочинять письмо. Сначала с пылу да по привычке наказывали:

«Товарищ президент», но быстро сообразили, что не товарищ он нам. И долго не могли тронуться с этого места. Ни «господин», ни «сэр» не подходило. Признать его господином казалось оскорбительным лично для нас, а называть «сэром» – смешно. Бабахнули сразу:

«Президент! Если ты думаешь, что Куба не победит, то ошибаешься. Куба победит. Лучше убери от острова свои кровавые руки. Мы – за Кубу и будем ей помогать. Весь мир тоже будет ей помогать, не беспокойся.» И закончили крупными печатными буквами: «КУБА – ДА! ЯНКИ – НЕТ!» Правда, мы плохо понимали, что значит «янки». Но в то время этот лозунг не сходил с газетных страниц, и мы решили, что «ЯНКИ – НЕТ!» – это очень здорово. «Пройдет, – думали, – президента, пройдет».

Дед Максим текст заявления одобрил, но посоветовал обращаться к американскому президенту на «Вы».

– Пусть он хоть и президент, – серьезно объяснял он, – с кем не бывает, а взрослый все ж человек. Может, даже не прочтает вашу писульку. Обидится. Пацаны, мол, а на «ты». Выбросит к чертям собачьим письмо, и все. А в остальном все правильно.

Мы верили деду Максиму, как себе. Послание переписали, запечатали в обыкновенный конверт и отправили в «США. Президенту США». После ходили строем по улице и распевали: «Куба, любовь моя, остров зари багровой...»

А дед Максим сидел на лавочке возле своего дома и хитро-хитро улыбался, поглаживая усы.

И еще, что я помню и уж конечно не забуду, так это кашу. Дед Максим варил ее раза три в год. По каким-то своим военным датам. И на Девятое мая. Особенно отчетливо помню Девятое мая. Помню потому, что еще накануне на избе сельсовета по углам вывешивались знамена, а над входом плакат: «Слава народу-победителю!» В сам праздник, часам к десяти, собирались фронтовики. Блестели ордена и колокольчиками звенели медали. А вот дед в этот праздник варил кашу. И мы с ним. Нет, солдатского котелка не было, это только в кино бывает. Была обыкновенная алюминиевая кастрюля. И крупу особенную дед не хранил и не покупал,

варил из той, какая на данный момент имелась. Наверное, на фронте так и бывало. Перловка, значит перловую, пшенка, значит пшенную. Но зато настоящую, солдатскую, фронттовую. Каша заправлялась постным маслом. Мы ели, пили квас, вели разговор. Разговаривали больше меж собой. Дед молчал, думал о чем-то своем и поглаживал гладкие бока кружки, в которой пузырилась крутая бражка. А на его пиджаке серебрилась на полосатой колодке звезда. И хотя кроме ордена Славы у деда были и другие награды, и «За отвагу», за города, но прикреплял он почему-то только один этот орден. Видать, самым памятным был. Мы не спрашивали, знали, что бесполезное это дело – спрашивать деда о войне. Когда мы все же осмеливались и просили рассказать о фронте, дед сердился и наговаривал нам горькие и обидные слова.

– Шантрапа! – дед не кричал, говорил отрывисто, будто командовал. Глаза становились узкими и злыми. – Войну им подавай. Век бы ее не помнить, сукины дети, так нет, заноят: «Про войну, про войну». Молокососы! Нечему тут радоваться, в рассказах-то. А то ведь как расскажу – год спать не будете. Шантрапа! Ышь, войну им подавай. Что, интересно, как человек человека убивает, да? Тоже мне, разговор нашли.

При этом он так раскуривал свою самокрутку, что самосад в ней трещал и искрил, словно полешки в печке. Докуривал и мирно уже говорил:

– Вы на старика не обижайтесь. Историю лучше учите. Там все написано. А по настоящему-то... война – это страшно. Лучше не надо. Ну ее. Вот так. Я, например, до сих пор спать не могу. Всё воюю, мать её в оглоблю ... войну эту. И ребят своих помню... из взвода мово... всех она забрала..., война эта. И всё! – грозил он нам пальцем, – А о войне больше-ша! Мы дружно кивали: «Понятно, мол».

А после каши дед шел к фронтовикам. Я и сейчас нет-нет да и вспомню деда Максима и его кашу. И его страшные, но не услышанные рассказы, от которых ночами не спишь. Помню трактор, на котором он работал, тяжелый, с железными колесами – «Универсал». Отрывочно помню, а помню.

Пескарь

Давно это было и словно вчера.

Еще не старый в то время учитель физики, Гарай Шарипович, носил кальсоны. Об этом знала вся школа, потому что из-под штангин учителя очень часто выскакивали и весело плясали белые тесёмочки. Гарай Шарипович быстро проходил по коридору, глядел под ноги, но тесемочек не замечал. Может быть, оттого, что на фронте он потерял правый глаз, да и одним-то видел плохо, носил очки. О предательских тесемочках ему нашептывал кто-нибудь из учителей. Тогда Гарай Шарипович сильно краснел и спешил в лаборантскую наводить порядок с блажными кальсонами. Но очень скоро две весёлые змейки вновь выползали из-под широких черных штангин. Гарай – так его звали все ученики – был смертельно предан своему предмету. Не прерви его звонок, он бы говорил, наверное, целый день. Так во всяком случае казалось.

Один раз Васька Деев сочинил стих и на перемене написал его на доске. Не ахти какое произведение. Обычная дразнилка, только чуток переиначенная.

Гарай, Гарай,
Ты штаны не продавай.
А то волк придет
И тесемки отгрызет...

Гарай Шарипович отреагировал неожиданно. Как будто это совсем не о нем. Словно стихотворение и не стихотворение вовсе, а решение какой-то физической задачи, и он, Гарай, нашел в ней ошибку. Он очень серьезно, несколько раз прочел написанное и недоуменно проговорил:

– При чем здесь тесемки? Тесемки какие-то. Волк. Непонятно. У вас что, литература была? Нет? Ну ладно.

Он взял тряпку и стер «феноменальный» Васькин стих. Весь класс на минуту обалдел, а Гарай стал объяснять новый материал.

Вообще, над Гараем измывались и куражились открыто. Он до того увлекался уроком, что совершенно ничего не замечал.

– И вот он самый, всемогущий ток, – любовно говорил он, – по закону великого Ома, течет по пути наименьшего сопротивления.

– Да ну? – хором удивлялись ученики.

– Да-да! – восклицал Гарай. – Именно так, – и улыбался, довольный. – А вы не верили.

– Ом – не дурак, – многозначительно говорил Павлуха Рябов.

– Ну вот еще! – Гарай обиженно хмурил брови. – Конечно, не дурак. Совсем не дурак.

Класс весело и откровенно гудел. Пределом же доблести считалось тихонько встать и незаметно подставить кулак к пустой глазнице учителя. Он и этого не замечал.,

Однажды классная руководительница привела в класс новенького. Худой, остролицый парень чем-то смахивал на пескаря. Его тут же и окрестили – Пескарь.

Пескарь молча сел туда, куда ему указала учительница, и затих. Прозвенел звонок, и в класс влетел взъерошенный Гарай со своими тесемками и с ходу начал говорить о каком-то великом открытии, сделанном нашими учеными. Не помню точно, что это было за открытие, помню только, что поймали наконец неведомую ранее элементарную частицу.

– Поймали, голубушку. Так ей. – Гарай радостно потирал руки и беспрестанно улыбался. Вот он встал посреди класса и о чем-то задумался, изредка поправляя очки. Павлуха, крадучись, подошел сзади и подставил кулак к его правому глазу. В тот же момент раздался глухой, сильный хлопок по затылку. Павлуха покачнулся, втянул голову в плечи. За его спиной стоял

Пескарь с пустыми обложками от учебника физики. Класс притих, и лишь листочки развалившегося учебника, будто осенние листья, шуршали и опускались на пол. Гарай Шарипович строго глянул на новенького и выгнал его из класса.

– Ты смотри, – покачал он головой, – первый день, и так хулиганить.

Павлуха же сел за парту, колотнул крышкой и прошептал:

– Ну, Пескарь. Изметелю гада. Как пацана. И изметелил. Пескарь не дрался. Он неуклюже отмахивался, а когда у него из носа пошла кровь, Павлуху оттащили. Пескарь долго отмывался у колонки, а все пошли в класс. Потом возвратился Пескарь. Взял свою сумку и, не обращая внимания на учительницу, ушел. После уроков шумной ватагой шли на свою улицу.

– Зря ты так Пескаря. Он и драться-то не умеет. Сразу краска пошла, – сказал Васька, на что Павлуха, презрительно цвыркнув сквозь зубы, проговорил:

– В гробу я его видал, Пескаря этого. Рыпаться больше не будет. Пескарь.

Об учителе физики не говорили, какие-то «веревочки» связали слова, и о Гарае молчали. А Пескарь в школу пришел. Мы думали, что он насовсем тогда. А он пришел. Ни с кем не разговаривал, тихо отсиживал уроки и так же тихо, будто укладкой, уходил.

А еще я помню коляску. Она появилась неожиданно, из-за угла. Павлуха, Васька и я о чем-то спорили, а тут мигом примолкли. Сначала-то послышался металлический, сводящий в оскомину скулы, скрежет. Потом показался красный от натуги Пескарь. Он, словно бурлак, тяжело упираясь в податливый дорожный гравий, тащил за собой коляску. Дорогу собирались асфальтировать, и потому гравий был рассыпан широко, до асфальтового тротуара. Подшипниковые колеса, понятное дело, забивались, не крутились, а ползли по гравийке-то... И скрежетали.

На коляске, откинувшись на спинку и пристегнутый к ней же широким ремнем, спал пьяный безногий. Увидев одноклассников, Пескарь остановился. Еще больше покраснел, зло закусил губы и, ухватившись за бечеву обеими руками, поволок коляску к тротуару. Хорошо помню, как скользили по камешкам ноги Пескаря и как подрагивало тело безногого. Одна рука его плетью повисла побоку и, покачиваясь, то и дело касалась земли.

Первым опомнился Васька. Он кинулся следом, но Пескарь кратко и озлобленно процедил: «Отвали!». Васька, правда, тоже рассердился. Он замахнулся на Пескаря и в тон ему заявил: «Сам отвали, фраер зачуханный. Не тебя тащить собираюсь». И стал рядом с Пескарем. И потащили. А Павлуха, сунув руки за пояс, ушел домой. Я тоже ушел.

Потом Васька рассказывал, что это был отец Пескаря. Он говорил так:

– Ноги у него на войне оторвало, сначала-то до лодыжек, потом гангрена пошла. Ну, и прям по коленки отрезали. Чтoб дальше не пошла. Он раньше совсем не бухал, а сейчас вот совсем забухал. Лётчиком был... – тихо сказал он и отвернулся потихонечку шмыгая носом. Васькин отец тоже был лётчиком.

Васька задумался.

– Коляска больно неудобная, – тихо сказал он. – Колеса другие надо.

Как-то я зашел за кладовки, где обычно пацанва собиралась, и глазам своим не поверил: Павлуха с Васькой делали коляску. Достали где – то четыре пузатеньких колеса от самоката, смастерили станину, а теперь делали сидушку. Сообразили же черти, и как станину сделать, и как сидушку приладить. Все продумали. Малость осталось, совсем малость. Но не успели. Помер отец Пескаря.

Весь класс был на похоронах. Гарай Шарипович тоже был. Павлухи вот не было. Уже после похорон я нашел его там же, за кладовкой. Павлуха делал коляску. Глаза его блестели совсем не по-доброму, словно накатило что-то на парня. Он никого не подпускал, грозил молотком и упорно делал коляску. Маленькую, мягкую и удобную.

До сих пор не пойму, что происходило с Павлухой, о чем он думал тогда. Бог его знает, о чем, но думал же. Может быть о войне..., да о войне точно, его батя тоже весь израненный был.

Потом все прошло, поутихло, помаленьку забылось.

А Гараю уже никто кулак к глазу не подставлял. И с Пескарем разговаривали. Серегой его звали. И фамилия – Зыков.

Родня

«Здравствуйте, уважаемые работники МВД!

Не знаю к кому обратиться, но думаю, у вас есть специальный отдел по этому делу. А дело в том, что у моего отца, Карнаухова Ивана Сергеевича (он умер в 1969 году), было когда-то шесть братьев и пять сестер. То есть, одиннадцать человек семья. Я у родителей был один. Поэтому, зная, что имею такую обширную родню, мне обидно, что никого не знаю. Ни с кем не знаком. Знаю, что братья у отца, кто погиб на войне, кто умер. Дети у них, конечно, были и есть сейчас. Хочу найти братьев и сестер. Сестер маловероятно, ведь они под другими фамилиями. А вот братьев можно. Сообщаю имена отцовских братьев и место, где они все родились и жили когда-то...»

Георгий Карнаухов, здоровый кудрявый мужчина, описал все подробности, которые знал, и поставил точку. Отнес конверт на почту. Заказным отправил в Москву. Георгий стал терпеливо ждать, считал дни, недели, месяцы.

Георгий Николаевич написал письмо неспроста. Он был обижен на свою жену, тещу, тестя – главного бухгалтера крестьянского фермерского хозяйства «Звезда». Раньше совхоз «Звезда». Так вот тесть из «звезды» никуда и не уходил, хотя на пенсию было уже давно пора. Да и жители деревни к длинной приставке к «Звезде» так и не привыкли и потому хозяйство так и называли – «совхоз». Ну ладно. И вот порой глядя на своих «родственников» на Георгия нападали такой «псих», что порой он не мог с собой сладить. Например, когда теща в какой-то своей обиде брякнула: «Обули, одели, дом поставили, а он теперь кочевряжится», Георгий разделся до цветастых трусов и все как есть запихал в печку.

Еще ему не нравилось, что приходилось возить тестя на его «жигулёнке». Тесть сам написал доверенность на зятя и теперь, как взбрендит, особенно по воскресеньям, ночь-в-полночь, в любое время – вези его. А куда? А хоть куда. Может, порыбачить. С комфортом, в костюме и при галстукe. Или просто так, покататься. Сядет, закинет локоть за окошечко и всю дорогу ни слова. «Головы не повернет, гад. Как кол проглотил» – рассказывал зять. Сам тесть водить машину не умел. Интересный тесть. Наверное, в такие минуты представлял он себя министром финансов. А придет – все: другой человек, корм свиньям наладит и еще напевает: «Все бегут, бегут, бегут, а он им светит... – и носится с ведрами: – ... а он горит».

Короче, затосковал Георгий без единокровной родни. Долго ли, скоро ли, а письмо из МВД все же пришло. Георгий очень волновался. Когда нес конверт в нагрудном кармане, сердцем его чувствовал. Читал письмо почему-то за банькой. Уселся на низенькую поленицу и читал. Сердце стучало слышно и гулко.

«Ваш брат, Карнаухов Валентин Емельянович, 1982 года рождения, проживает в Республике Казахстан в городе...» ну, и так далее. Сообщили также, где проживают родители брата.

«Эк куда закинуло брательника, – весело, с волнением размышлял Георгий, – далеко от родителей ускакал, – и усмехнулся, – за границу.»

Ему было легко и весело. Брат, три сестры и тетка. Сразу сколько родни. Внутри щемило и екало новое, незнакомое чувство. Георгий сунул письмо в карман и пошел к дому. Во дворе росла раскидистая берёза. Георгий уместился на маленькой сидухе детской качели и стал раскачиваться. Выбежали детишки. Заорали: «Папка, папка катается!». Запрыгали рядом.

Георгий слыл отцом строгим, и подобное легкомыслие дети видели, пожалуй, впервые. А отец раскачивался, весело «ухал» и «эхал». Потом завел тестев «жигулёнок» и прокатил детей километров за десять от деревни. Там покувыркались по поляне, подумались вдоволь и покатали назад.

Когда подрулил к дому, то с удивлением обнаружил распахнутые ворота, хотя точно помнил, что их закрывал. Легонько въехал во двор и неожиданно запел любимую песню тестя: «Все бегут, бегут, бегут... а он горит...».

Теща с тестем сидели за столиком у крыльца и молча наблюдали за буйными выходками зятя.

– Перепил, – предположил тесть.

– Да вроде нет. У него харя красная, когда выпьет-то, – заметила сметливая теща.

Вышла жена. Она загнала возбужденную ребятню в дом.

– Чего раздухарился-то? – строго спросила она мужа.

– А я не тень, чтобы тенью ходить, – загадкой ответил Георгий.

Жена вылупила глаза. Георгию самому понравился загадочный ответ и он для пущей важности громко повторил:

– Да, да, родичи вы мои разлюбезные, не тень.

– Ты сядь-ка, – тесть ерзнул по скамейке так, что чуть не сшиб свою жену. Та сверкнула глазами, но промолчала. Георгий сел.

– Ну сел, – вопрошающе сказал он.

– Ну сел, и посиди, успокойся, – тесть беспокойно забарабанил пальцами по столу. Георгий сощурился.

– В честь чего торжественные сборы?

– По пути зашли, – с вызовом ответила теща.

– Ни хрена себе, по пути, – тоже с вызовом произнес Георгий.

Его дом стоял последним, на самом краю деревни, а за горой уже был «совхозный» свинарник. – К свинехам прогуливаетесь. По пути, хэх! – усмехнулся он.

– К дочери пришли, – воскликнула теща, – да на зятя придурошного посмотреть.

– Потише! – рявкнул Георгий. – Родня!

Он полез во внутренний карман пиджака. Теща с тестем на всякий случай отодвинулись. Георгий же достал безобидный конверт с официальным штампом и шлепнул им перед тестем. Тот достал очки и долго, сосредоточенно читал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.